

ПРОИЗВЕДЕНИЯ Р. М. АКУЛЬШИНА ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА: ИДЕИ, СЮЖЕТЫ, ГЕРОИ

А. А. Косицин

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация*

В статье рассматривается творчество Р. М. Акульшина в 1920–1930-е годы, в частности, его малоизученные произведения для детей и юношества. Анализируется поэтика, тематика, сюжеты и образы этих сочинений, выявляются основные черты творческой манеры писателя. Особое внимание уделяется сочетанию автобиографических мотивов с идеологической направленностью, характерной для советской литературы того времени. Показано, как Р. М. Акульшин, опираясь на личный опыт деревенской жизни, создавал образы сознательных, стремящихся к знаниям и прогрессу героев, противопоставляя их отсталым устоям дореволюционной деревни. В центре внимания – символика технического прогресса (авиация, радио, электричество), которая в его произведениях становится олицетворением новой советской действительности. Отмечается склонность автора к повторному использованию сюжетных фрагментов, описаний и лексических конструкций, что придает его творчеству черты своеобразного «литературного этикета». Исследование подчеркивает важность работ Р. М. Акульшина в контексте формирования советской детской литературы и указывает на необходимость дальнейшего изучения его наследия, включая архивные материалы, связанные с деятельностью «Детгиза». Статья представляет собой одно из первых комплексных исследований детских произведений писателя и вносит вклад в изучение литературной истории 1920–1930-х годов.

Ключевые слова: советская литература, детская литература, очерки о советской деревне, литературный этикет, Р. М. Акульшин.

Введение

Р. М. Акульшин, войдя в литературу, сразу стал пробовать себя во всех родах и жанрах, актуальных для «золотого десятилетия русской литературы», по меткому выражению Р. Магвайра [1, с. 8]. Эта творческая «всеядность» вполне соответствовала «духу времени»: для 1920-х годов как новой эпохи в истории отечественной литературы были характерны активные художественные поиски, жанровый синкретизм [2] и эксперименты с литературной формой [3, с. 69]. Поэтому Р. М. Акульшин писал и поэтические, и прозаические, и драматургические сочинения, а также выступал на страницах тогдашней периодики с многочисленными статьями и заметками о современном положении дел в советской деревне, – впоследствии главным образом эти очерки составили его первые литературные сборники. Первым из таких стала книга «О чем шепчет деревня» [4]. Ее название – перефразированный фрагмент из речи Д. Бедного на 1-й Всесоюзной конференции пролетарских писателей: «Мы должны знать, что думает старуха-деревня, когда ей часто, по весьма осязательным причинам, не спится, *о чем она шепчет*» [4, с. 7]. 1925 год, в котором вышла эта книга, сам Р. М. Акульшин назвал «годом прощупывания всей крестьянской России», где еще много язв – «крючкотворство, взяточничество, самогон» [4, с. 3]. Сам автор видел свою задачу в том, чтобы «все эти недостатки, а порой преступления, уничтожить» [4, с. 4], а свою писательскую деятельность – в том, чтобы идеологически воздей-

вать на общественное сознание в соответствии с политической повесткой новой власти. По мысли Р. М. Акульшина, современный писатель должен был показывать советскую деревню в ее противоречии, где старое и отсталое соседствовало с новым и передовым. Поэтому 1920-е годы в идеологическом плане в целом характеризуются значительным вниманием к деревенской тематике [4, с. 52]: судьба советской деревни тогда действительно волновала – и не только писателей [5]. На особом счету в те годы была и литература для детей и юношества, и так получилось, что Р. М. Акульшин также не остался в стороне. (Обращение писателя в те годы к детской литературе неудивительно, так как в стране тогда начался новый – идеологический – этап ее развития [6, с. 10]). Более того, ему удалось совместить обе политические повестки в своем творчестве: его сочинения для подрастающего поколения были обращены к проблемам деревни, которую он хорошо знал.

В настоящей статье мы рассмотрим поэтику произведений Акульшина, созданных в 1920–1930-е годы, проанализируем темы, сюжеты и образы героев этих произведений и определим основные черты творческой манеры автора в те годы.

Обзор литературы

Статей, посвященных литературному творчеству Р. М. Акульшина, немного, а те, что есть, либо рассматривают его в совокупности (обзорные статьи энциклопедического характера), либо исследуют мемуарные произведения более поздних лет [7], либо касаются отдельных аспектов творче-

ства [8, 9]. Сочинения для детей и юношества, созданные писателем в 1920–1930-е годы, к сожалению, не привлекали должного внимания исследователей. Лишь изредка в фокусе внимания литературоведов оказываются отдельные произведения писателя, – в основном, когда исследуется какая-то научная проблема на литературном материале 1920–1930-х: тогда произведения Р. М. Акульшина упоминаются среди прочих [10]. В работах, посвященных детской литературе, произведения Акульшина если и упоминаются, то без развернутого анализа, что определяет новизну и актуальность настоящего исследования.

Следует сказать, что пестрая палитра литературы для детей и юношества 1920–1930-х годов также мало исследована. В фокус внимания исследователей обычно попадают отдельные жанры или отдельные художественные категории в произведениях того времени, предназначенных для подрастающего поколения [11–13]. Тем не менее, 1920–1930-е годы – уникальное время в истории литературы, ведь именно тогда, как показывает И. Н. Арзамасцева, происходило обновление детской литературы, концепции детской книги и самого концепта «детство» [14]. По наблюдению Г. Н. Токаревой, произведения детской литературы, созданные в это время, носили ярко выраженный идеологический и воспитательный характер, формируя «нового человека» [15]. Более того, в это время решалась сама судьба детской и юношеской литературы и велась оживленная дискуссия вокруг нее [16, 17], приведшая впоследствии к созданию «Детгиза».

«Детгиз» был основан 9 сентября 1933 года постановлением ЦК ВКП(б) «Об издательстве детской литературы», и именно Р. М. Акульшин фигурировал в числе первых его секретарей (справедливости ради нужно сказать, что и материалы многочисленных заседаний «Детгиза» также до сих пор не проанализированы и не предъявлены общественности; они разрозненно хранятся в персональных архивах писателей тех лет, имеющих отношение к литературному процессу 1930-х гг.). В качестве секретаря «Детгиза» Р. М. Акульшин стал одним из тех, кто определял идеологический вектор советской детской литературы. Его резонерствующая позиция позволяла напрямую влиять на содержание детских книг, что делает анализ его творчества важным шагом к реконструкции литературного процесса 1920–1930-х годов.

Методы исследования

В основу работы легли классические филологические методы (литературно-исторический, сравнительно-типологический, композиционно-стилистический и символический анализ), обеспечившие многоаспектное изучение поэтики, образной системы и идеологических смыслов в произведениях Акульшина.

Результаты и дискуссия

Для всех довоенных изданий Акульшина характерна неоднородность материала – этим попрекали писателя рецензенты и критики его произведений. В архивных материалах Госиздата хранятся две рецензии на рукопись книги «Искренние рассказы» [18] (книга, по всей видимости, планировалась к изданию в 1935 году, но тогда так и не вышла, увидев свет лишь в 1937 году в доработанном виде под названием «Весна» [19]). Автор одной из рецензий, М. Алексеев, указывает, что «предложенные в сборнике 30 новелл далеко неоднородны ни по своей тематике, ни по идейной сущности, ни по художественному мастерству. И эта досадная качественная чересполосица мешает возможности вынести заключение по всему сборнику в целом» [18, л. 29–31]. Автор другой, <?> Памфилова, пишет: «Общее впечатление от “Искренних рассказов” – такое: писатель не имеет стержня в своем творчестве. Тридцать новелл не объединены ни в какой мере общим замыслом, направлением. Тематика очень пестра, случайна...» [18, л. 15–25].

Среди всего массива художественных сочинений Акульшина, написанных в 1920-е годы, видное место занимают автобиографические поучительные истории. Начиная со сборника «Развязанные снопы» (1927) [20], на страницах его произведений перед читателем возникают полуанекдотические истории, – как от первого, так и от третьего лица, – объединенные фигурой автора – глубокого знатока деревенской жизни.

Материалы первого раздела «Развязанных снопов» впоследствии легли в основу повести для детей и юношества «Трушка-плясун» (1927), вышедшей в виде отдельной книги [21]. Главный герой повести, мальчик Трушка Алешин (в автобиографическом тексте «Развязанных снопов» мальчика зовут, соответственно, Родькой), живет в деревне, танцует на деревенских свадьбах (отсюда и прозвище «плясун»). Повествование в повести ведется, в отличие от первой главы «Развязанных снопов», от третьего лица, а сам Трушка ощутимо моложе Родьки. Сквозь наивное восприятие Трушки читатель наблюдает исторические события – борьбу за власть и революционные преобразования. Параллельно прослеживается процесс взросления героя: если в начальной части заключительной главы («Голодный год») Трушка лишь приступает к обучению грамоте [21, с. 82], то в финале он становится студентом художественного техникума, участвует в создании плакатов и театральных постановках. На последней странице повести герой предстает сознательным молодым человеком, способным на самостоятельный выбор: «За десятью зайцами погонишься – ни одного не поймаешь. Лучше художником буду. Пляской баловался, когда маленький был», – резюмирует он. «Не поступил Трушка в плясовую школу, а плясу-

ном его все равно прозвали. Навсегда осталась за ним детская кличка «Трушка-плясун» [21, с. 93], – такими словами Акульшин завершает свою повесть, подчеркивая переход героя к сознательности (мотив, тогда только зарождающийся в советской послереволюционной литературе).

В 1927 году Р. М. Акульшиным был создан цикл произведений для младшего возраста. К числу публикаций данного периода относятся как отдельные издания – «Машка-пеночница» [22], «Находкины дети» [23], «О девочке Маришке, о новеньком пальтишке, о свинье ужасной и о звездочке красной» [24], так и сборник рассказов «Озорница Бейка» [25]. Центральными персонажами этих произведений выступают деревенские дети. Хотя возраст героев, как правило, не указан автором эксплицитно (за исключением восьмилетней Маришки), можно предположить, что он коррелирует с возрастом целевой читательской аудитории, для которой предназначена данная литература.

Эти произведения для детей сильно различаются как в сюжетном плане, так и в идейных, прежде всего – морально-нравственных, установках. Так, история Маришки, по недосмотру потерявшей свое пальтишко, способна вызвать у читателя сочувствие. А вот история Машки-хулиганки, из лучших побуждений постоянно пакостящей людям, никакого сочувствия вызвать у читателя уже не может. Это абсолютно безобидное, наивно-детское произведение о дурачествах и доброте не идет ни в какое сравнение с «Находкиными детьми» – недетским по своему содержанию сочинению с рассчитанным на детское восприятие сюжетом. Главные герои – малолетние Ленька и Лидка – выхаживают двух лисят, подкладывая их под кошку, чтобы те могли полакомиться грудным молоком; тогда как взрослые персонажи в этой истории совершают жестокие и опрометчивые поступки, нарушающие привычные нормы детской литературы того времени. Так, в частности, отец Леньки голыми руками ловит лису, получая при этом укус за палец; потом зашибает насмерть двух котят, роняя их с высоты печки, случайно поскользнувшись; а когда отпускает на волю одомашненную лису, то надрезает ей ухо, делая отметину на память и т. д. Описывая это, Р. М. Акульшин, очевидно, стремится изобразить деревенский быт реалистично, однако выглядит это все совершенной дикостью, но такова авторская установка: изображать жизнь, как она есть, без прикрас.

Анализируя манеру письма Р. М. Акульшина, следует отметить присущее ему стремление к «литературному этикету» [26, с. 250]. Данное явление находит подтверждение в текстуальном сходстве между произведениями «Находкины дети» и «Машка-пеночница». Подобно миграции эпизодов из «Развязанных снопов» в историю о Трушке-плясуне, наблюдается транспозиция отдельных фразеологических конструкций.

Сравнительный анализ выявляет сходство лексико-синтаксических моделей, что иллюстрируется примером описания процесса беления холстов: «Летом Ленькина мать повезла на тележке к озеру холсты. Холсты мочат в воде и расстилают на траве, под солнцем, от этого они делаются белее» [23, с. 21–22] – в «Находкиных детях»; «...а сама пошла к озеру, где были расстелены холсты. Мокрые холсты расстилают на траву, чтобы они были белее» [22, с. 6] – в «Машке-пеночнице».

Таким образом, в творчестве Р. М. Акульшина проявляется художественный эффект, аналогичный распространенному в древнерусской литературе «литературному этикету», который выражается в реутилизации описательных фрагментов из ранее созданных произведений в более поздних текстах. Поскольку почти все литературные герои Р. М. Акульшина имеют прозвища, стоит сказать и о поэтике прозвища в сочинениях писателя: если кошку подобрали (нашли) – то она «Находка»; если Машка любит молочные пенки – она «пеночница», если Трушка с детства любит плясать – он «плясун», если Митька маленького роста – он «Фунтенок» (производное от фунта) и т. д. Прозвища у героев незамысловаты и строятся однообразно – так, как, видимо, и было принято тогда делать в простых крестьянских деревнях.

Любопытен образ героя в рассказе «Фунтенок», отличающегося своей сознательностью в «правой борьбе». Обхитрив беляков, Фунтенок отказывается от предложения красного командира пойти в разведчики, говоря, что ему сначала необходимо кончить школу: «Нет, я лучше учиться... В школу хочу. Вырасту – за бедных с красными воевать пойду» [27, с. 24].

Образ Фунтенка, отчасти напоминающий сказочного персонажа мальчика-с-пальчика, переключивается в другое сочинение Р. М. Акульшина – «Красенький мальчик» [28]. Герой этого произведения, Мишка, напоминает толстовского Филиппка.

Сюжет этой истории простой. Однажды в сильный мороз и ветер мальчик прибегает к рассказчику, чтобы взять книжки. Сначала он греется у печки-голландки, а потом выбирает самую толстую книгу – «Робинзон Крузо». Вскоре приходят его испуганные родители. Они хотят поругать сына за то, что он ушел из дома в такую погоду. Однако рассказчик вступает за маленького читателя и говорит доброе напутствие. Родители смягчаются и забирают сына домой вместе с книгой о Робинзоне.

Эту короткую историю назвали «Красенький мальчик» из-за красной рубашки героя. Книга была издана в очень «детском» формате: всего 12 страниц с обложкой, небольшой формат А6, плотная бумага, крупный шрифт и цветные иллюстрации. Благодаря этому она считается самой

подходящей для детей из всех книг, которые когда-либо выпускал Р. М. Акульшин.

В книгу «Озорница Бейка» [25], адресованную читателям младшего и среднего возраста, Р. М. Акульшин включил два рассказа, повествующих о жизни деревенских детей и их домашних животных. Первый одноименный рассказ посвящен похождениям резвой козочки по кличке Бейка. Второй рассказ, «Бедовые летчики», освещает злоключения двух друзей – Митьки и Васьки, одержимых мечтой о лётной профессии. Примечательно, что в 1929 году данный рассказ после переработки был издан отдельно под заглавием «Летчики» [29].

Сюжет произведения «Озорница Бейка» сосредоточен на процессе взросления главной героини – козочки, отличающейся хулиганским поведением. Ее проделки, такие как проникновение в дом для сна на кровати, кража пирога с блинами или разбитие стекла, иллюстрируют ее характер. Однако с течением времени героиня претерпевает изменения: после появления собственного потомства – козлят – ее поведение кардинально меняется. Она начинает приносить практическую пользу, обеспечивая ежедневные удои объемом в четыре–пять бутылок молока.

Герои «Бедовых летчиков», ребята-проказники («Митьку зовут “рыжим”, а Ваську – “белобрысьм”») [29, с. 24]), копят деньги на свой аэроплан. Деньги копят у них медленно, потому они решают покупать аэроплан по частям, чтобы собрать его потом. Когда у ребят скопилось тринадцать копеек, они пошли покупать в лавку главную часть аэроплана – пропеллер, но по дороге забыли, как эта часть называется. Стали кувыряться по земле – вспоминать (потому что есть в народе такая примета: чтобы вспомнить, надо кувыряться). Покувыркавшись, они все вспомнили – и пошли дальше. Вторая часть сюжета демонстрирует параллели с очерком «Как я на охоту ходил» из сборника «Развязанные снопы». Если в оригинале герои Мишка и Еграшка совершали кражу яблок в саду тетки Маланьи, то в «Бедовых летчиках» аналогичное правонарушение совершается в саду тетки Анисьи. Развязка в обоих случаях идентична: Васька, подобно Мишке, подвергается порке.

Следует отметить различие в финальных акцентах произведений. Концовка истории в «Развязанных снопах» содержит лирическое отступление в гоголевской традиции, где автор размышляет о ценности деревенских анекдотов для понимания сельской жизни и оправдывает поступок детей [20, с. 25]. В отличие от этого, финал «Бедовых летчиков» лишен авторского комментария и стилистически приближается к эпизоду древнерусской «Повести о Шемякином суде», представляя собой следующую сцену:

«Как будем летчиками, всех ребятшек по воздуху перекачаем, всех девок перекачаем,

всех мужиков перекачаем, всех стариков и старух перекачаем, всех баб перекачаем, а ее [Анисью. – А. К.] не будем...

– Нет, по-моему, поднять ее на воздух и оттуда бросить...

– Не стоит мараться: еще упадет на кого-нибудь, голову проломит... Пусть всю жизнь казнится, завидует, как другие по воздуху летают, руками облака задевают...

А через минуту бутыхаются товарищи в воде. И брызги, и солнце, и радость.

Счастливые летчики!» [25, с. 40].

Следует отметить актуальность для Р. М. Акульшина ряда тем, свойственных его литературным сочинениям для детей: это *авиация, радио и электричество*. Все они стали ценностными ориентирами, олицетворением советских новшеств, символами победы научного прогресса над религиозным мракобесием [30, с. 136]. Летчик в литературе 1920–1930-х годов является мифологической, сакральной фигурой [31, с. 90]; мотив воздухоплавания в искусстве того времени широко распространен, художники «всерьез начинают увлекаться авиацией» [32, с. 77].

Авиации Р. М. Акульшин посвятил два произведения. В 1925 году он сочинил поэму «Друзья воздушного флота, или самолет “Степанида”» [33], где описал реакцию полуграмотных крестьян на новое чудо техники – самолет; а в 1928 году – поэму «Путешествия Кости на самолете» [34], описание истории авиации в которой было почти дословно заимствовано из предшествующего сочинения.

Поэма «Друзья воздушного флота...» создана без использования рифм – четырехстопным хореем с женскими окончаниями, что в народной поэтической традиции соотносится с термином «нескладушка». Сюжет произведения отличается простотой. Услышав шум в небе, крестьяне вышли из избы-читальни и увидели аэроплан. Пилот посадил свой самолет, и люди стали наперебой спрашивать его о разном: *откуда и куда он летит, почему у него шапка такая* и т. д. Летчик прочитал им лекцию по истории авиации, а потом одну из жительниц деревни – 70-летнюю Степаниду Толкачеву – взял на борт и прокатил по воздуху. Так, старушка стала «звездой» всей деревни, а когда умерла – вся деревня пришла проститься с покойницей. Завершается поэма песней в память о Степаниде, ритмически обособленной от основного текста: она написана стихом, имитирующим былинные напевы – тем же четырехстопным хореем, но уже с дактилическими окончаниями: *«Как в деревне, во Незнамовке / Тут жила седая бабушка. / Степанида – ее имечко, / Толкачиха – ее прозвище»*. Последняя строфа поэмы дословно воспроизводит ее начальную строфу, в конце которой автор добавляет два стиха: *«Строит в той стране народ / Трудовой Воздушный Флот»*. Таким образом, «воздушный флот» выступает в поэме симво-

лом советского новшества; «флот» этот призван, по мысли автора, избавить деревенских жителей от существующих с древних (т. е. дореволюционных) лет предрассудков.

В другой книге – пьесе в 4 картинах «Нечистая сила» [35] – символом советского новшества становится *радио*. Герой пьесы, 80-летний дед Митрий, представитель «дремучей деревни», обзревает достижения советской техники и, как Степанида в рассмотренной выше поэме, испытывает это «чудо» на себе. Действие пьесы вновь разворачивается в деревенской избе-читальне. Жители деревни разделены на два противоборствующих лагеря: одни знают, что такое радио, другие не верят, что оно работает и что по нему можно «слушать Москву». Деревенские мальчишки, юнкоры Семка и Гришка, ведут агитационные торги с местными девчонками, спорят с ними о том, что по радио можно будет услышать пение: «...если только сегодня вечером услышишь пение из Москвы, то завтра же запишешься в комсомол, а если ничего не услышишь, то я тебе покупаю красный платок» [35, с. 7]. Все жители деревни приходят посмотреть на этот чудо-аппарат. Богобоязненный дед Митрий после знакомства с «радийей» плачет, говорит, что теперь он умрет не рабом Божьим, а свободным человеком: «Только на аэроплане не удалось полетать», – замечает старик, словно завидуя Степаниде из ранее упомянутого произведения Р. М. Акульшина.

Сюжет пьесы «Нечистая сила» концентрируется вокруг погрома в избе-читальне, совершенноного сорокалетним крестьянином Митрофаном, движимым суеверными представлениями. Убежденный, что действует по навету Богородицы для борьбы с «нечистой силой», он проникает ночью в «коммунистическое логово», читая молитвы и крестясь. Митрофана задерживают односельчане и заключают под стражу в здании сельсовета. Ключевым моментом становится его прослушивание радиопередачи о решениях советской власти, направленных на поддержку деревни. Это, наряду с увещаниями деда Митрия, приводит персонажа к осознанию, что радио не является порождением «лукавого». Финал произведения представляет собой апофеоз веры в технический прогресс: общее ликование жителей, сопровождаемое танцами и исполнением советских частушек, символизирует триумф нового знания над суевериями.

Электричество, наряду с авиацией и радио, репрезентируется в творчестве Р. М. Акульшина как одно из достижений советской науки. Эта тема раскрывается в одноактной пьесе «Лампочка Ильича», финал которой акцентирует общественную пользу электричества через полифоническое звучание девяти голосов [36, с. 15–16].

Начиная с 1931 года, Р. М. Акульшин фактически прекращает литературную работу для детской и юношеской аудитории. К этому периоду

относится лишь одна детская пьеса – «Пастух Егорка», которая, по всей видимости, не была опубликована. Ее машинописная версия хранится в РГАЛИ [37]. Еще один машинописный экземпляр данной пьесы, подготовленный для издания, находится в РГБ [38].

К началу 1930-х годов, как отмечает И. И. Тарасова, литературный процесс в СССР кардинально изменился. В это время уже определились основные стилевые и методологические ориентиры «новой» советской литературы [39, с. 438], и Р. М. Акульшин сосредотачивается на создании произведений, ориентированных на взрослого читателя. Однако последующие шесть лет ознаменовались почти полным отсутствием публикаций писателя по неизвестным причинам. Перелом наступил лишь в 1937 году, когда ему удалось издать сборник, объединивший разнообразные произведения, как для детей, так и для взрослых, включая как ранее публиковавшиеся, так и новые тексты. В 1940 году в Куйбышеве отдельным изданием вышел небольшой автобиографический рассказ «Кловун» [40], который также представляет собой переделку очерков, ранее опубликованных в книге «Развязанные снопы».

Выводы

Таким образом, в 1920–1930-е годы Р. М. Акульшиным были созданы рассказы, повести, поэмы и пьесы о детях и подростках, предназначенные для читателей соответствующей возрастной категории. Писатель часто заимствовал сюжеты, описания и образы героев из своих же собственных произведений, создавал на их основе все новые и новые тексты. В то же время он стремился изображать то, что и сам хорошо знал, что видел, о чем слышал или имел довольно точное представление. Мир его произведений, с одной стороны, традиционный, с другой – современный, открытый к изменениям. Герои его историй оптимистично смотрят в будущее, символами которого выступают различные технические новшества: авиация, радио, электричество.

Произведения Р. М. Акульшина, несмотря на справедливые упреки в неоднородности материала, представляют собой ценный документ эпохи, отражающий переход от народной традиции к советскому новаторству, а также сложный процесс формирования детской и деревенской литературы в раннем СССР.

Литература

1. Магуайр, Р. Красная новь. Советская литература в 1920-х гг. / Р. Магуайр ; пер. с англ. М. А. Шерешевской. – СПб. : Академический проект, 2004. – 365 с.
2. Пономарева, Е. В. Жанровый синкретизм малой прозы 1920-х годов / Е. В. Пономарева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2005. – № 7 (47). – С. 188–196.

3. Ковалев, В. А. Русский советский рассказ. Очерки истории жанра / В. А. Ковалев. – Л. : Наука, 1970. – 736 с.
4. Акульшин, Р. О чем шепчет деревня / Р. Акульшин. – М. : Московский рабочий, 1925. – 128 с.
5. В поисках новой идеологии: социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930-х годов / отв. ред. О. А. Казнина. – М. : ИМЛИ РАН, 2010. – 608 с.
6. Октябрьская, О. С. Формирование и развитие жанровой системы в русской детской литературе 1920–50-х годов / О. С. Октябрьская. – М. : МАКС Пресс, 2016. – 245 с.
7. Скороходов, М. В. Материалы к биографии Р. Березова 1941–1949 годов: мысли о России / М. В. Скороходов // Россия – Германия: Литературные встречи (1880–1945). – М. : ИМЛИ, 2019. – С. 224–246.
8. Ивашкина, А. Н. Тенденции циклизации в прозаическом творчестве Р. М. Акульшина / А. Н. Ивашкина // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. – 2012. – № 4. – С. 103–109.
9. Ивашкина, А. Н. Способ конструирования действительности в цикле Р. М. Акульшина «О чем шепчет деревня» / А. Н. Ивашкина // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. – 2013. – № 5. – С. 169–173.
10. Лебедева, С. Н. Проза забытых русских писателей 1920-х годов: художественное осмысление крестьянской темы / С. Н. Лебедева. – Тольятти : Волжский ун-т им. В. Н. Татищева, 2009. – 167 с.
11. Исаковская, А. Ю. Детская сказка в русской советской литературе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Ю. Исаковская. – М., 2012. – 24 с.
12. Ковалева, Т. В. Эволюция русской поэзии для детей: стиховедческий аспект : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. В. Ковалева. – М., 2006. – 34 с.
13. Алексеева, М. Советские детские журналы 20-х годов ; под ред. проф. А. В. Западова / М. Алексеева. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 132 с.
14. Арзамасцева, И. Н. Художественная концепция детства в русской литературе 1900–1930-х годов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И. Н. Арзамасцева. – М., 2006. – 48 с.
15. Токарева, Г. Н. Формирование принципов изображения героев в советской детской прозе 1920–30-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. Н. Токарева. – Воронеж, 2013. – 20 с.
16. Крупская, Н. К. Детская книга – мощное орудие социалистического воспитания / Н. К. Крупская // Правда. – 1931. – 3 февраля.
17. Крупская, Н. К. Какая книжка нужна нашим детям / Н. К. Крупская // Литературная газета. – 1932. – 23 ноября.
18. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 613. – Оп. 2. – Ед. хр. 41.
19. Акульшин, Р. Весна / Р. Акульшин. – М. : Советский писатель, 1937. – 164 с.
20. Акульшин, Р. Развязанные снопы / Р. Акульшин. – М. ; Л. : Земля и фабрика, 1927. – 112 с.
21. Акульшин, Р. Грушка-плясун / Р. Акульшин. – М. ; Л. : Госиздат, 1927. – 94 с.
22. Акульшин, Р. Машка-пеночница / Р. Акульшин. – М. : Госиздат, 1927. – 14 с.
23. Акульшин, Р. Находкины дети / Р. Акульшин. – М. ; Л. : Госиздат, 1927. – 24 с.
24. Акульшин, Р. О девочке Маришке, о новеньком пальтишке, о свинье ужасной и о звездочке красной / Р. Акульшин. – М. : Госиздат, 1927. – 14 с.
25. Акульшин, Р. Озорница Бейка / Р. Акульшин. – М. : Госиздат, 1927. – 40 с.
26. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – М. : Художественная литература, 1979. – 360 с.
27. Акульшин, Р. Фунтенок / Р. Акульшин. – М. ; Л. : Госиздат, 1927. – 24 с.
28. Акульшин, Р. Красенький мальчик / Р. Акульшин. – М. : Госиздат, 1929. – 12 с.
29. Акульшин, Р. Летчики / Р. Акульшин. – М. ; Л. : Госиздат, 1929. – 16 с.
30. Танцева, А. В. «Жизнь без Бога»: атеистическая пропаганда в 1920-е гг. (по материалам журнала «Огонек») / А. В. Танцева // Гуманитарные и юридические исследования. – 2018. – № 2. – С. 135–139.
31. Загидуллина, Т. Образ летчика в ортодоксальной советской литературе 30-х годов / Т. Загидуллина // Вестник Омского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные исследования. – 2018. – № 1 (18). – С. 89–92.
32. Буренина, О. Д. Абсурд и мотив воздухоплавания в литературе и визуальных искусствах 1900–1930-х годов / О. Д. Буренина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2005. – Т. 5. – С. 76–87.
33. Акульшин, Р. Друзья воздушного флота, или самолет «Степанида» / Р. Акульшин. – М. : ОДВФ РСФСР, 1925. – 40 с.
34. Акульшин, Р. Путешествие Кости на самолете / Р. Акульшин. – М. : Госиздат, 1928. – 32 с.
35. Акульшин, Р. Нечистая сила : пьеса в 4 картинах для подростков / Р. Акульшин. – М. ; Л. : Госиздат, 1925. – 24 с.
36. Акульшин, Р. Лампочка Ильича / Р. Акульшин. – М. ; Л. : Госиздат, 1930. – 16 с.
37. РГАЛИ. – Ф. 656. – Оп. 1. – Ед. хр. 46.
38. Акульшин, Р. Пастух Егорка : пьеса в 6 картинах (На правах рукописи) / Р. Акульшин. – М. : Цедрам, 1935. – 24 л.
39. Тарасова, И. И. Литературный процесс 20–30-х годов XX века: становление «новой» литературы и концепции личности / И. И. Тарасова // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 4 (83). – С. 436–438.
40. Акульшин, Р. Кловун / Р. Акульшин. – Куйбышев : Куйбышевское издательство, 1940. – 32 с.

Косицин Андрей Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры издательского дела и книготорговли, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева (Самара), e-mail: kosicin.aa@ssau.ru. ORCID 0000-0002-8823-6135

Поступила в редакцию 15 октября 2025 г.

DOI: 10.14529/ssh260109

WORKS BY R. M. AKULSHIN FOR CHILDREN AND YOUTH: IDEAS, PLOTS, HEROES

A. A. Kositsin

S. P. Korolyov Samara National Research University, Samara, Russian Federation

The article examines the creative work of R. M. Akulshin during the 1920s and 1930s, focusing particularly on his understudied writings for children and youth. It analyzes the poetics, themes, plots, and imagery of these works, identifying the main features of the author's artistic style. Special attention is paid to the combination of autobiographical motifs with the ideological orientation characteristic of Soviet literature of that period. The study shows how R. M. Akulshin, drawing on his personal experience of rural life, created images of conscious protagonists striving for knowledge and progress, contrasting them with the backward traditions of pre-revolutionary village life. Central to the analysis is the symbolism of technological advancement (aviation, radio, electricity), which in his works becomes an embodiment of the new Soviet reality. The author's tendency to reuse plot fragments, descriptions, and lexical constructions is noted, lending his writings the features of a distinctive "literary etiquette". The research emphasizes the significance of R. M. Akulshin's works in the formation of Soviet children's literature and highlights the need for further study of his legacy, including archival materials related to the activities of "Detgiz". This article represents one of the first comprehensive studies of the writer's children's works and contributes to the scholarship on the literary history of the 1920s and 1930s.

Keywords: Soviet literature, children's literature, sketches about the Soviet countryside, literary etiquette, R. M. Akulshin.

References

1. Maguir R. Krasnaya nov' [Red Renewal: Soviet Literature in the 1920s]; per. s angl. M.A. Shereshevskoy. Saint Petersburg: Academic project, 2004. 365 p.
2. Ponomareva E.V. Zhanrovyyi sinkretizm maloi prozy 1920-kh godov [Genre Syncretism in Short Prose of the 1920s] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2005. № 7 (47). P. 188–196.
3. Kovalev V.A. Russkiy sovetskiy rasskaz. Ocherki istorii zhanra [The Russian Soviet Short Story: Essays on the History of the Genre]. Leningrad: Science, 1970. 736 p.
4. Akulshin R. O chem shepchet derevnya [What the Village Whispers About]. Moscow: Moscow Worker, 1925. 128 p.
5. V poiskakh novoy ideologii: sotsiokul'turnye aspekty russkogo literaturnogo protsessa 1920–1930-kh godov [In Search of a New Ideology: Socio-Cultural Aspects of the Russian Literary Process of the 1920s–1930s] / otv. red. O.A. Kaznina. Moscow: IWLA RAS, 2010. 608 p.
6. Oktyabr'skaya O.S. Formirovaniye i razvitiye zhanrovoy sistemy v russkoy detskoj literature 1920–50-kh godov [The Formation and Development of the Genre System in Russian Children's Literature, 1920s–1950s]. Moscow: MAKS Press, 2016. 245 p.
7. Skorokhodov M.V. Materialy k biografii R. Berezova 1941–1949 godov: mysli o Rossii [Materials for the Biography of R. Berezov, 1941–1949: Thoughts on Russia] // *Rossiya – Germaniya: Literaturnye vstrechi (1880–1945)*. Moscow: IWLA, 2019. P. 224–246.
8. Ivashkina A.N. Tendentsii tsiklizatsii v prozei cheskom tvorchestve R.M. Akul'shina [Tendencies of Cyclicity in the Prose Works of R.M. Akul'shin] // *Ural'skiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Draft: molodaya nauka*. 2012. № 4. P. 103–109.
9. Ivashkina A.N. Sposob konstruirovaniya deystvitel'nosti v tsikle R. M. Akul'shina "O chem shepchet derevnya" [The Method of Constructing Reality in R.M. Akul'shin's Cycle "What the Village Whispers About"] // *Ural'skiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Draft: molodaya nauka*. 2013. № 5. P. 169–173.
10. Lebedeva S.N. Proza zabytykh russkikh pisateley 1920-kh godov: khudozhestvennoye osmyslenie

krest'yanskoy temy [Prose of Forgotten Russian Writers of the 1920s: Artistic Interpretation of the Peasant Theme]. Tolyatti: Volga University named after V. N. Tatishchev, 2009. 167 p.

11. Isakovskaya A.YU. Detskaya skazka v russkoy sovetskoy literature [Fairy Tale in Russian Soviet Literature]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 2012. 24 p.

12. Kovaleva T.V. Evolyutsiya russkoy poezii dlya detey: stikhovedcheskiy aspekt [The Evolution of Russian Poetry for Children: A Metrical Perspective]: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow, 2006. 34 p.

13. Alekseeva M. Sovetskie detskie zhurnaly 20-kh godov [Soviet Children's Magazines of the 1920s]; pod red. prof. A.V. Zapadova. Moscow: Moscow University Press, 1982. 132 p.

14. Arzamastseva I.N. Khudozhestvennaya kontseptsiya detstva v russkoy literature 1900–1930-kh godov [The Artistic Concept of Childhood in Russian Literature, 1900–1930s]: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow, 2006. 48 p.

15. Tokareva G.N. Formirovaniye printsipov izobrazheniya geroev v sovetskoy detskoy proze 1920–30-kh gg. [The Formation of Hero Representation Principles in Soviet Children's Prose, 1920s–1930s]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2013. 20 p.

16. Krupskaya N.K. Detskaya kniga – moshchnoe orudie sotsialisticheskogo vospitaniya [The Children's Book as a Powerful Tool of Socialist Education] // *Pravda*. 1931. 3 fevralya.

17. Krupskaya N.K. Kakaya knizhka nuzhna nashim detyam [What Kind of Book Do Our Children Need] // *Literaturnaya gazeta*. 1932. 23 noyabrya.

18. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva (RGALI) [Russian State Archive of Literature and Art (RSALA)]. F. 613. Op. 2. Ed. khr. 41.

19. Akulshin R. Vesna [Spring]. Moscow: Soviet Writer, 1937. 164 p.

20. Akulshin R. Razvyazannyye snopy [Untied Sheaves]. Moscow; Leningrad: Land and factory, 1927. 112 p.

21. Akulshin R. Trushka-plyasun [Trushka the Dancer]. Moscow; Leningrad: State Publishing House, 1927. 94 p.

22. Akulshin R. Mashka-penochnitsa [Mashka the Wren]. Moscow: State Publishing House, 1927. 14 p.

23. Akulshin R. Nakhodkiny deti [Nakhodka's Children]. Moscow; Leningrad: State Publishing House, 1927. 24 p.

24. Akulshin R. O devochke Marishke, o noven'kom pal'tishke, o svin'e uzhasnoy i o zvezdochke krasnoy [About the Girl Marishka, About a New Little Coat, About a Terrible Pig, and About a Little Red Star]. Moscow: State Publishing House, 1927. 14 p.

25. Akulshin R. Ozornitsa Beyka [The Naughty Beika]. Moscow: State Publishing House, 1927. 40 p.

26. Lihachev D.S. Poetika drevnerusskoy literatury [The Poetics of Old Russian Literature]. Moscow: Artistic literature, 1979. 360 p.

27. Akulshin R. Funtenok [The Little Fountain]. Moscow; Leningrad: State Publishing House, 1927. 24 p.

28. Akulshin R. Krasnen'kiy mal'chik [The Little Red Boy]. Moscow: State Publishing House, 1929. 12 p.

29. Akulshin R. Letchiki [Aviators]. Moscow; Leningrad: State Publishing House, 1929. 16 p.

30. Tantsevova A.V. «Zhizn' bez Boga»: ateisticheskaya propaganda v 1920-e gg. (po materialam zhurnalnala «Ogonek») [“Life Without God”: Atheist Propaganda in the 1920s (Based on Materials from the Journal Ogonek)] // *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 2018. № 2. P. 135–139.

31. Zagidullina T. Obraz letchika v ortodoksal'noy sovetskoy literature 30-kh godov [The Image of the Pilot in Orthodox Soviet Literature of the 1930s] // *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye issledovaniya*. 2018. No. 1 (18). P. 89–92.

32. Burenina O.D. Absurd i motiv vozdukhoplavaniya v literature i vizual'nykh iskusstvakh 1900–1930-kh godov [Absurd and the Motif of Air Travel in Literature and Visual Arts, 1900–1930s] // *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 2005. Vol. 5. P. 76–87.

33. Akul'shin R. Druz'ya vozdušnogo flota, ili samolet “Stepanida” [Friends of the Air Fleet, or the Airplane “Stepanida”]. Moscow: ODVF RSFSR, 1925. 40 p.

34. Akul'shin R. Puteshestvie Kosti na samolete [Kostia's Airplane Journey]. Moscow: State Publishing House, 1928. 32 p.

35. Akul'shin R. Nechistaya sila: p'esa v 4 kartinakh dlya podrostkov [The Evil Force: A Play in Four Scenes for Adolescents]. Moscow; Leningrad: State Publishing House, 1925. 24 p.

36. Akul'shin R. Lampochka Il'icha [Lenin's Little Light Bulb]. Moscow; Leningrad: State Publishing House, 1930. 16 p.

37. RGALI [(RSALA)]. F. 656. Op. 1. Ed. khr. 46.

38. Akul'shin R. Pastukh Egorka: p'esa v 6 kartinakh (Na pravakh rukopisi) [Egor the Shepherd: A Play in Six Scenes (In Manuscript Form)]. Moscow: Tsedram, 1935. 24 l.

39. Tarasova I.I. Literaturnyy protsess 20–30-kh godov XX veka: stanovlenie «novoy» literatury i kontseptsii lichnosti [The Literary Process of the 1920s–1930s: The Formation of “New” Literature and the Concept of Personality] // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2020. № 4 (83). P. 436–438.

40. Akul'shin R. Klovun [Clowun]. Kuibyshev: Kuibyshev publishing House, 1940. 32 p.

Andrey A. Kositsin – Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of Publishing and Book Distribution, S. P. Korolyov Samara National Research University (Samara), e-mail: kosicin.aa@ssau.ru

Received October 15, 2025

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Косицин, А. А. Произведения Р. М. Акульшина для детей и юношества: идеи, сюжеты, герои / А. А. Косицин // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2026. – Т. 26, № 1. – С. 73–81. DOI: 10.14529/ssh260109

FOR CITATION

Kositsin A. A. Works by R. M. Akulshin for children and youth: ideas, plots, heroes. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2026, vol. 26, no. 1, pp. 73–81. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh260109
